

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

А. А. ГОРЕЛОВ

РОМАН Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И ГЕРОЙ ВОЛЖСКО-ПЕНЗЕНСКИХ ПРЕДАНИЙ

В романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» характеристика «особенного человека» Рахметова содержит аналогию между этим персонажем и героем народных преданий и вместе реальным волжским богатырем-бурлаком Никитушкою Ломовым. Дворянин-интеллигент Рахметов, сумевший физическими упражнениями и тяжелым физическим трудом приобрести и поддерживать в себе «непомерную силу» («Так нужно, — говорил он: — это дает уважение и любовь простых людей», — подразумевая необходимость революционной пропаганды среди народа), во время бурлацкой работы был окрещен «товарищами его по лямке <...> Никитушкою Ломовым по памяти героя, уже сошедшего тогда со сцены».¹

Волжская работа Рахметова при переводе на реальную хронологию относится комментаторами книги к 1854 году.² О самом же Ломове Чернышевский сообщает, что его имя славно «между миллионами людей», но «только на полосе в 100 верст шириной, идущей по восьми губерниям . . .» (204). Обращаясь к «читателям остальной России», Чернышевский так объяснял им популярное в Поволжье имя: «Никитушка Ломов, бурлак, ходивший по Волге лет 20—15 тому назад, был гигант геркулесовской силы; 15 вершков ростом, он был так широк в груди и в плечах, что весил 15 пудов, хотя был человек только плотный, а не толстый. Какой он был силы, об этом довольно сказать одно: он получал плату за 4 человека. Когда судно приставало к городу и он шел на рынок, по-волжскому на базар, по дальним переулкам раздавались крики парней: „Никитушка Ломов идет, Никитушка Ломов идет!“ — и все бежали на улицу, ведущую с пристани к базару, и толпа парода валила вслед за своим богатырем» (204).

В черновой редакции романа есть некоторые отличия в условной топографии преданий о Ломове. Первоначально Чернышевский писал, что «из 60 губерний только 6 знают это славное имя <...>»

(574—575). Если взглянуть на карту Поволжья времен создания романа «Что делать?», то наиболее вероятными местами подразумеваемого писателем бытования фольклора о бурлаке Никите Ломове следует назвать с низу до верха Волги «бурлацкие» губернии — Астраханскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Нижегородскую, Костромскую и Ярославскую. Кстати сказать, Рахметов проходил бурлаком от Дубовки до Рыбинска (205), т. е. шел по семи указанным губерниям, исключая Астраханскую. Ссылка на то, что имя Ломова «громит славою» по берегам Волги в зоне 100 верст (то есть как бы 50 плюс 50 по каждому берегу, кроме пустовавших, незаселенных территорий), практически выводит из условно-вероятного списка несущих фольклор о Ломове губерний Пензенскую, отстоявшую от великой реки более нежели на 100 верст, а между тем последняя тяготеет и нередко причисляется к губерниям Поволжья. И что особенно существенно, именно Пензенская губерния была источником фамилии или прозвища героя преданий: там протекают речки Ломов и Ломовка, там находятся на первой — два города Верхний и Нижний Ломбовы, а на второй — Ломовская Слобода, с которыми так или иначе связана родословная бурлака Никитушки Ломова.

По-видимому, при жизни Чернышевского предания о Ломове не требовалось выискивать, так как, по свидетельству романиста, имя героя было известно «между миллионами людей». Средой же, хранившей эпос о Ломове, был прежде всего работный люд волжских пристаней, городских предместий, посадов: речные матросы, бурлаки, грузчики, носильщики тяжестей, масса пролетариев, крестьян-отходников.

Бурлацкий фольклор, к сожалению, никогда не был предметом целенаправленно-щательных полевых изучений. Казавшиеся всем известными рассказы исчезали почти бесследно. После Чернышевского предания о богатыре-бурлаке Ломове фиксировались всего единожды в 1870—1880-е годы, когда поэт и собиратель фольклора Д. Н. Садовников предпринял ряд поездок по центральному Поволжью. Среди произведений популярной устной несказочной прозы Садовниковым были записаны предания о Степане Разине, разбойниках, бурлаках. В посмертно изданном его сборнике «Сказки и предания Самарского края» под № 121 опубликован устный рассказ «Про Никитушку Ломова», представляющий собой цикл из четырех преданий, — это запись, сделанная в г. Симбирске от неизвестного лица (или лиц) и, вероятно, реставрированная или обобщенно изложенная поэтом (характерно признание в начале текста: «Про силу его (Никиты. — А. Г.) на Волге рассказывают чудеса») и оттого отмеченная некоторой обезличенностью, а также стушеванностью непосредственно устных повествовательных признаков.

В преамбуле к преданиям излагаются важные сведения о герое: «На Волге, в тридцатых годах, ходил силач-бурлак Никитушка Ломов; родился он в Пензенской губернии. Хозяева судов дорожили его страшной силой: работал он за четверых и получал паек тоже за четверых».³

Садовниковская запись прямо именует родиной Ломова Пензенскую губернию. Как и у Чернышевского, здесь конкретизированное время действия — николаевская эпоха, место действия — Волга и Каспий. Герой и работает, и получает плату за четверых. Последняя деталь подтверждает наличие устного источника у автора романа «Что делать?», как известно, зачастую внимавшего в Саратове фольклорному «мнению» «низших слоев среднего класса» и «городских слоев простонародья».⁴ Это отразилось и в знаменитой книге.

Первый сюжет о Ломове по сборнику Садовникова — победная схватка богатыря с «трухменцами», грабившими по ночам в открытом море русские суда. Второй сюжет — история о том, как Ломов наказал упрямство возчиков на постоялом дворе, будучи вынужден силой расчистить дорогу. Третий сюжет — отмщение Ломова богатому купцу, обманувшему при расчете мужиков, вытаскивавших для него якорь. Четвертый рассказ говорит о том, как бечевой бегущий с многопудовыми кулями Ломов одолевает в состязании бегущих пустопорожними сбратьев-бурлаков.

Предания о Ломове — апология мужицкой физической моцки, являющейся важным элементом классового самосознания и формой самоутверждения низов общества. Одновременно предания славят справедливость, чувство товарищества. Герой устных рассказов — заступник за артель, защитник от разбойников (в этом, а не в какой-либо национальной неприязни смысл предания о «трухменцах»). Как художественный эффект, постоянный в устной народной эпике и соответствующий вкусам масс, рисуется у Садовникова посрамление тех, кто не верит в богатырство героя. Эта типическая черта эпоса наиболее выразительна во втором и четвертом сюжетах симбирских преданий.

Последующие записи прозаического фольклора о Никите Ломове осуществлены трижды, спустя почти век или более того после Садовникова (в марте, а затем — более точная — в декабре 1955 и в октябре 1986 гг.), автором данного сообщения. Сделаны они в Ленинграде от уроженцев села Кривозерье Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии — отца и сына Сазыкиных (Николая Сергеевича и Алексея Николаевича). Уникальность услышанного явилась побудительным поводом к настоящей публикации.

Но прежде — некоторые биографические сведения о рассказчиках преданий.

Николай Сергеевич Сазыкин (1878—1968) — земледелец по происхождению (ближайшие его предки — из государственных крестьян) — был человеком энергичным, сметливым, мастером разнообразных сельских ремесел. До 1930 года в основном крестьянствовал, но подчас занимался потребными в деревне промыслами (катали валенки и т. д.). В молодые годы Н. С. Сазыкин отходничал: с артелью косил на Нижней Волге в богатых салах, «матросил» на камских, волжских барках («павозках»), в 1899 году плотничал близ Харбина на строительстве Китайско-Восточной железной дороги. В первую империалистическую войну служил госпитальным санитаром, преподавал устав солдатам маршевой роты. Отец шестерых

детей, он гордился, что в советские годы все сыновья и дочери получили высшее образование. Однако с горечью и гневом вспоминал необоснованное и неожиданное свое раскулачивание (он имел в лучшие свои годы две лошади, а к роковому моменту — одну лошадь, корову; наемным трудом не пользовался), за чем последовала ссылка под Караганду. Позже Николай Сергеевич работал чернорабочим на Волховстрое, на ленинградских заводах, в годы блокады — кочегаром, был донором.

Окончивший два класса церковно-приходской школы Н. С. Сазыкин с малолетства полюбил чтение (сохранил в сундучке библиотечку копеекных исторических книжек, издававшихся для народа). Обладая отличной памятью, помнил наизусть всего «Конька-горбунка», огромное количество строк из поэм Некрасова. Часто рассказывал деревенские анекдоты, авантюрные сказки, популярные у односельчан и в рабочей среде предания о силачах (волжских кулачных бойцах, бурлаках, заводских богатырях), об отмене крепостного права, былички. Охотно вспоминал фамильные рассказы о предках, эпизоды из собственной жизни. Любил пользоваться пословицами. Напевал старинные баллады о солдатах. Знал заговоры от болезней. В последние годы жизни постоянно читал том сказок Ф. П. Господарева.

От Н. С. Сазыкина автор публикации неоднократно слышал с 1930-х годов предания об известном среди пензенцев их земляке — бурлаке «Миките Варъжинском» (или в другом произносительном варианте — «Варежинском»), впрочем, никак не соединяя и даже не подозревая близости героя нижне-ломовской молвы с легендарным персонажем поволжского фольклора, известным по роману Чернышевского. Такая связь естественно возникла в 1950-е годы, когда пришло знакомство с вариантными пензенским устным «памятям» из села Кривозерья текстами-посредниками из сборника Д. Н. Садовникова. Тогда же были сделаны после специальной просьбы собирателя записи преданий (отрывочная — в марте, полная — в декабре 1955 г.).

Алексей Николаевич Сазыкин, военный врач, усвоил рассказы о бурлаке Никите через отца, своего брата Андрея Николаевича⁵ и односельчан. В памяти этого человека, обладавшего живой речью и склонностью к анекдотам,⁶ насмешке, удержались, однако, не все сюжеты, прежде записанные от его отца.

Ниже следуют тексты преданий, не имевших при многоразовых повторениях никаких принципиальных сюжетных вариаций.⁶

ЗАПИСИ ОТ Н. С. САЗЫКИНА (ДЕКАБРЬ 1955 г.)

Про Микиту Варъжинского

Он был из села Варежка⁷ одного с нами уезда,⁸ одной губернии, верст пятьдесят от нас. Бурлачил на Волге.

Домой по десять пудов рыбы из Астрахани носил в куле рогожном. Тыща верст! Вот шел дорогой (а там есть трясины, топкие, болотные места, как у нас), глядит: ехал барин с коляской — в тря-

сину лошади и попали. А он шел дорогой подальше, выбирал, где посуше.

А, знаешь, крепостные?.. У барина лакей, кучер. Он и велит: «Ступайте, мужика позовите!» Те — рысью.

Ну, он, Микита, куль — на землю, подходит. Лошадей — за хвост и за гриву, — как ягнят, повыкидал!

Коляску вывез на сухое, барин и говорит:

— Спасибо тебе, добрый человек! Садись, подвезу.

Ну, что же? Микита куль поставил в коляску, сел сам. Дак ведь лошади только шагом пошли!

Слез. Смеется:

— Нет, барин. Езжай уж с богом. Я пешком скорей дойду!

Взвалил куль — и пошел.

Был Микита на барках. Хозяин поджимал. Маловато платил. Тянули однова матросы якорь (пудов двадцать пять!), идут за деньгами. Хозяин рупь платит, а рядались за три. Зашумели.

Микита говорит:

— Нехорошо, хозяин. Обманул.

Тот ему — дескать:

— Тебе прибавлю!

— Нет! Ты всему комплекту прибавь!

Нет и нет. Отказывается.

Микита рассерчал, говорит:

— Ну, это ему даром не пройдет.

Глядят: он якорь из воды вынес, взнял, версты полторы пронес — на иглицу ⁹ повесил лапой.

Хозяин напугался:

— Прибавлю, прибавлю всем! Только сымы!

Микита ему:

— Ладно! Снять-то сыму, а несть-то не понесу!

Они его и несли, человек десять!

Микита в извоз ездил. Заночевал на постоялом дворе.

С вечера говорит:

— Ребя-а-ты! Вы бы не заставляли дорогу, я рано поеду.
(А его воз был назаде).

Мужики смеются:

— Еще не знай, кто раньше выедет!

Он проснулся (а те спят еще!) — которые сани на сани поставил, а два воза на лабаз поставил. Очистил дорогу.

Так они там целый день возились!

Воз — двадцать пять пудов клажи (чего насыпное возили), да сани пудов семь или шесть, — и на лабаз сунуть! Как салазки! А мы и салазки-то насилиу поставим порожние!

Ему (Миките. — А. Г.) было запрещено драться: он мог убить сразу человека. В праздник, бывало, народ начнет с ним шутить, а он возьмет — и, как снопов, и повалит их всех!

У него дочь зародилась — никто замуж не брал: убьет. Богатырка. Подпиську дала — тогда взял ее один мужичонка.

Еще, сказывают, бил ее. Она его возьмет да положит. Он драгается — и утихнет!

У нее родился сын, — видно, в дедушку пошел. Ему было четырнадцать лет. Он чего-то на поросенка рассерчал, цоп его за ногу — и через сарай перебросил. Взвесили: четыре пуда!

ЗАПИСИ ОТ А. Н. САЗЫКИНА (30 ОКТЯБРЯ 1986 Г.)

О Никите Варъжинском

Он был из села Варежка, про него много рассказывали.

Из Астрахани шел Никита пешком. А вокруг — грязь. Идет, видит: тройка барина засела в грязь. Карета не вылезет никак. И кучер не может вытащить.

Идет Никита с полутарком рыбы. А в нем не много, не мало — пятнадцать пудов. Он чувал взял — и нес на плече.

Когда он поровнялся, барин зовет:

— Добрый человек, помоги! А то ямщик замучился!..

— Разнуздай лошадей, — велит Никита.

Взял одну за одной за хвост, за гриву — на сухое покидал. Карапуза за оглобли — вывез.

— Садись! — приглашает барин.

Сел — не пошли кони. Тяжел больно. Еще с чувалом.

Уж тут барин взмолился:

— Слезь!

Еще было.

Никита в извоз ездил зимой. Вот заехал на постоянный двор ночевать. (А он рано ложился и рано вставал). Ложится — говорит извозчикам:

— Вы не заставляйте дорогу. Я рано поеду.

Они не послушались. А он встал раньше всех, часть возов — на возы поставил (а воз двадцать пять пудов!), часть — на лапаз. (Знаешь, что такое лапаз? Навес — ровный, чтобы во дворе не было снегу. Стойки, на которых держится лапаз — временные. Так вот — стойка, так — выкопают ямку в сугробе — и приморозят! А весной убирают, а снег вывозят).

Бот он их как проучил!

Дочь Никиты никто не брал замуж: рассердится — может убить. А вышла за шибздика. Жили ладно. Но прогневается — возьмет его, спеленает. Он полежит, подрагается. Она спрашивает:

— Ноженьки-то, рученьки освободить тебе?..

Циклизованные вокруг фигуры героя пензенские рассказы, демонстрируя известные сюжетные утраты при переходе от поколения

к поколению даже в пределах одной семьи, вместе с тем обнаруживаются не только «выщелачивание», а и парашение зрительно ярких, точных бытовых деталей, указывают на полнокровность устной жизни преданий спустя столетие с лишком после их возникновения.

Последние записи определенно дают ключ к дальнейшим фактическим поискам в двух направлениях. Во-первых, возможны новые записи преданий о Никите Ломове — Миките Варьинском в пензенском регионе — с опорой на упоминание о деревне Варежке Ломовского уезда. Во-вторых, становятся более вероятны находки данных о реальном прототипе легендарного фольклорного персонажа. Для этого есть указания на время (1830—1840-е гг. по Д. Н. Садовникову и Н. Г. Чернышевскому) и место его исторической жизни.

Ради облегчения последней задачи остается добавить, что упомянутая в рассказах Н. С. и А. Н. Сазыкиных деревня (село) Варежка угадывается в сходных названиях пензенских населенных пунктов. На крупномасштабной губернской карте, приложенной к «Памятной книжке Пензенской губернии за 1870 год» (Пенза, 1871) упомянуты 2 деревни с наименованием «Варишка» (одна — к юго-востоку от Нижнего Ломова, другая уже на территории Чембарского уезда). Село «Головинская Варижка» находилось в Каменской волости в юго-восточной части Нижне-Ломовского уезда.¹⁰

¹ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Изд. подготовили Т. И. Орнатская и С. А. Рейсер. Л., 1975. С. 205. При ссылке на это издание романы страницы указаны в скобках в тексте.

² Пинаев М. Т. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1963. С. 108.

³ Сказки и предания Самарского края / Собранны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884. С. 381.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 640—641.

⁵ Записей от Андрея Н. Сазыкина, инженера-экономиста (1901—1979), своевременно сделано не было.

⁶ Хранятся в личном архиве автора публикации.

⁷ В произнесении звучало: «Варевжка». Ударение скользило: «Вáрьжинский» и «Варьжинский». Возможно, имело место произносительное сокращение гласного «е» в слове «Вáрежинский».

⁸ То есть Нижне-Ломовского.

⁹ «В столбах ворот продавливалася иглица, а на ней — сарайчик!» (пояснение рассказчика). Видимо, речь идет о поперечном верхнем брусе ворот. См.: Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12. С. 62.

¹⁰ См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1902. Т. 2. С. 499.